

Евгений Гребень

На границе с Латгалией: стратегия выживания населения Браславщины в период немецкой оккупации (1941–1944 гг.)

Браславский район Беларуси в период нацистской оккупации входил в состав Глубокского округа генерального округа Беларусь рейхскомиссариата Остланд. В силу своего приграничного положения он имел определенную специфику относительно других регионов оккупированной Беларуси.

На территории оккупированной Беларуси перемещение граждан было существенно ограничено. Поездки в Восточную Беларусь, на территорию зоны оперативного тыла группы армий «Центр» разрешались только чиновникам местной вспомогательной администрации по служебным делам, но были запрещены для гражданских лиц. Также запрещался выезд в округ Белосток и в целом на территорию рейха. Передвижение населения могло ограничиваться и внутри Остланда. В январе 1942 г. был введен запрет на выезд на территорию Латвии для жителей Браславского района по причине начавшейся там эпидемии тифа [1, л. 15]. Введенная карантинная мера запоздала, и эпидемия охватила Браславский район, поэтому, чтобы уменьшить ее масштабы, распоряжением Браславской районной управы с 13.01.1942 г. в районе были временно прекращены службы в церквях, костелах и молитвенных домах [1, л. 16]. Тем не менее, учитывая приграничное положение района и миграцию населения в белорусско-латвийско-литовском пограничье в предыдущие десятилетия, некоторые граждане могли получать разрешение гебитскомиссара на постоянный или временный выезд в другие генеральные округа Остланда или выезд на территорию генерального округа Беларусь.

В гебитскомиссариат поступали прошения на переселение граждан в Латвию и из Латвии на территорию Браславского района. В мае 1944 г. рассматривалось прошение двух сестер переселиться из Латвии, куда они приехали на жительство в 1938 г., к брату в Браславский район, чтобы помочь обрабатывать надел земли [2, л. 11]. В октябре 1942 г. в гебитскомиссариат поступило прошение жителя Зарасайского района Литвы Станислава В., который не мог прокормить семью на земле, имеющейся у него в Литве. Подчеркивалось, что в Литве он пользовался доброй репутацией, не сотрудничал с советской

властью, известен с хорошей стороны в Беларуси, и что его желание переезда продиктовано поиском работы [3, л. 15].

Граждане могли обращаться с просьбами предоставить им многогоразовый пропуск на пересечение границы округов. Заведующий белорусской школой гражданин И. просил гебитскомиссара предоставить ему пропуск для поездок в Латвию, так как в Силенской волости Илукстского уезда проживает его отец, наставник старообрядческой общины, с которым ему необходимо видеться и советоваться, как вести хозяйство и управлять пасекой. С аналогичной просьбой обратилась и мать данного гражданина [4, л. 33, 34]. Некоторые из просителей могли владеть собственностью за пределами Беларуси (например, дом в Вильнюсе, хутор в Латвии), и просили постоянный пропуск для того, чтобы присматривать за своим имуществом [4, л. 29].

Необходимо отметить, что граница между генеральными округами Остланда была зачастую очень условной, население, представители силовых структур могли пересекать ее без официального разрешения. Например, на основании донесения бургомистра Дрисвятской волости, Браславская районная управа поручила начальнику Браславской полиции разобраться с фактами визитов в район литовских полицейских, которые молили зерно на мельнице в Дрисвятах. По мнению белорусских чиновников, зерно для помола привозило литовское население, а литовская полиция только прикрывала эти действия [3, л. 43].

В донесении районной управы гебитскомиссару от 3.10.1941 г. отмечался рост спекуляции в районе (спекуляция охарактеризована как «ужасная») из-за наплыва сюда торговцев из приграничных районов Восточной Беларуси и Латвии (Даугавпилс, Краслава), которые массово скупают продукты питания. Приток торговцев из Латвии объяснялся белорусскими чиновниками тем, что латвийское население вот уже два года не платило налогов (эта мысль в документе не поясняется), имеет много наличных денег, и вообще Латвия намного богаче, поэтому латыши скупают продукты, не учитывая реальных цен. Отмечалось, что латыши не доверяли советской валюте и пытались избавиться от нее, закупаая товары на Браславщине [5, л. 3]. Например, представитель Краславского потребительского общества Ро-муальд Р. в сентябре 1941 г. получил право вывезти из Браслава в Краславу 1000 кг соли и 150 кг ягод [5, л. 11]. В результате местная администрация отмечала, что район начал испытывать дефицит продуктов питания и просила гебитскомиссара принять меры для пресечения подобной тенденции [5, л. 3].

Отсутствовала свобода выбора места жительства внутри генерального округа Беларусь. На территории района разрешалось проживать гражданам, которые жили здесь до начала войны между СССР и Германией. Все остальные рассматривались как потенциально неблагонадежные и проживать на территории района могли только после специального разрешения гебитскомиссара [6, л. 6]. Тем не менее, в конце 1941 г. гебитскомиссариат констатировал наличие в округе лиц, прибывших сюда на жительство в последние месяцы, как правило, из Минска и Вильнюса, и потребовал от местной администрации прекратить выдачу им разрешений на жительство, сообщить количество таких лиц (кто, откуда прибыл, национальность) и незамедлительно прислать их лично в гебитскомиссариат [5, л. 15]. В гебитскомиссариат также поступали просьбы граждан, проживавших в Браславском районе до сентября 1939 г. и выехавших на Запад, опасаясь преследований большевиков, а сейчас желающих вернуться [4, л. 8].

Для переезда на другое место жительства подавалось прошение в волостную управу, которая рассматривала заявление и передавала его на рассмотрение в районную управу с указанием определить, имеются ли возражения на переезд конкретного лица. Например, Дрисвятская волостная управа в апреле 1942 г. сообщала, что не возражает против переезда сюда Ивана Б., заведующего молочной фермой. Отмечалось, что проситель и его семья пользуются хорошей репутацией, что он не состоял в политических организациях, имеет надел земли и до 1939 г. уже проживал в данной местности [2, л. 20]. Житель г. Браслава Сильвестр С. подал прошение разрешить проживание в городе его внучке для обучения в школе [7, л. 88].

Советской властью у ряда граждан были изъяты земля и имущество и переданы в пользование другим лицам. Теперь обиженные советской властью граждане апеллировали к местной администрации, требуя вернуть имущество. Немецкая администрация неохотно реагировала на подобные просьбы, рассматривая конфискованное советской властью имущество как принадлежащее в данный момент германскому государству. Немцы явно не хотели создавать прецедент возврата национализированной собственности, прогнозируя в таком случае массовые обращения жителей Западной Беларуси с подобными просьбами. В то же время местная белорусская администрация сочувственно относилась к таким прошениям и могла их удовлетворять, если имущество находилось в пользовании другого лица. Например, в ответ на заявление гражданина М. в Браславскую районную управу, административный отдел распорядился вернуть ему овцу, переданную

советской властью гражданину А., и двух ягнят. О том, насколько серьезно белорусская администрация рассматривала данную проблему, свидетельствует тот факт, что исполнение распоряжения было возложено на полицию, которой было даже разрешено провести изъятие вне сферы своей компетенции на территории другой волости [8, л. 22].

В августе 1941 г. на имя начальника Браславского района поступило прошение жительницы Миорской волости Елены П., которая была назначена куратором имения ее матери Саломеи Г., вывезенной советской властью в Казахстан весной 1940 г. Высказывалась просьба разрешить начать розыск у конкретных лиц имущества ее матери, которое было разобрано колхозниками. Конфискованные урожай и постройки стали достоянием колхоза, организованного в имении Черессы. Также выдвигалось требование обязать бывших колхозников вернуть просительнице сжатую рожь либо компенсировать ее стоимость деньгами [2, л. 9].

Позиция же немецкой администрации была иной. В распоряжении генерального комиссара Беларуси от 15.11.1943 г. отмечалось, что белорусские суды обязаны отклонять иски бывших владельцев или их родственников, требующих возврата имущества, национализированного советской властью. Административные мероприятия советской власти могли быть изменены только распоряжением немецкого руководства, которое придерживалось принципа статус-кво относительно ранее национализированной собственности [9, л. 11].

В начальный период оккупации гражданское население столкнулось с информационным вакуумом, часто источником информации служили противоречивые слухи. С организацией местной администрации формируется механизм пропаганды. Издаются листовки, распоряжения оккупационных властей и периодические издания. С целью более широкого охвата населения пропагандистскими материалами, местной администрацией предписывалось в каждом населенном пункте организовать информационные стенды, на которых расклеивались пропагандистские издания, также рекомендовалось вывешивать их в людных местах, например, в столовых, ресторанах. Распространяемые газеты рекомендовалось в первую очередь выдавать учителям, которые, как образованный элемент, должны были, по мнению оккупантов, распространять информацию среди остальных граждан [10, л. 2]. Помимо пропагандистских плакатов и листовок, расклеивались карты с указанием продвижения вермахта на Восток [11, л. 5]. Пропагандистские издания партизан и подпольщиков до 1942 г. в регионе были представлены слабо.

Из воспоминаний жителя Браславыщины Горбатенко известно о существовании немецкого карикатурного плаката, на котором были нарисованы пограничные территории Беларуси, Латвии и Литвы и карикатурные изображения трех человек. Латыш собирает на своей земле оружие и боеприпасы, хотя сам уже обвешан оружием, литовец с факелом нависает над территорией Беларуси (иллюстрация экспансионистских устремлений литовских националистов) и белорус, который в зарослях склонился над самогонным аппаратом, ничем больше не интересуюсь. По мнению очевидца, плакат отражал восприятие немцами национального характера трех соседних народов [12, 306].

В конце 1941 г. в Браславе было восстановлено радиовещание. Все радиоприемники подлежали обязательной сдаче (эта мера практиковалась оккупационными властями по всей Беларуси для предотвращения получения информации с неоккупированной территории СССР), взамен все желающие могли установить стационарные радиоточки. На 22.02.1942 г. насчитывался 271 абонент Браславского радиоузла [13, л. 5–9]. Заявки на установку радиоточек подавали учреждения и организации: финотдел, пожарная охрана, больница, электростанция, а также граждане (парикмахер, настоятель костела) [14, л. 3; 15. л. 6, 7, 7 об.].

Могли возникать ситуации, когда радиоприемник являлся единственным источником информации для жителей отдаленных деревень. Некоторые жители обращались к Глубокскому гебитскомиссару с просьбой разрешить им оставить радиоприемник, опломбировав его на немецкую или варшавскую радиостанцию. Как отмечал врач Богдан Н., живший в отдаленной деревне Опсовской волости, куда не доходили газеты, радиоприемник «являлся единственным нашим культурным собеседником» [2, л. 11]. Скорее всего, такие просьбы оставались без ответа.

Сельское население оккупированной Беларуси находилось на самообеспечении, горожане (работающие или по уважительной причине не работающие) получали продовольствие по карточкам.

Оккупационные власти стремились минимизировать количество горожан, которых приходилось обеспечивать продуктами. В декабре 1941 г. в Браславское районное управление обратился бухгалтер Иосиф Г., который просил выдать его семье продовольственные карточки. Проситель отмечал, что у его жены имеется 2,46 га земли, однако пахотной – только 0,86 га, остальное – луга либо непригодная для обработки земля, имеется корова, но нет лошади, в результате чего семья

не обеспечила себя хлебом. В прошении было отказано, очевидно, местная администрация считала, что гражданин имеет возможность самостоятельно обеспечивать себя продовольствием [2, л. 12]. В другом случае в марте 1942 г. в районную управу обратился работающий там же переводчик Ярослав Л., который просил районного врача предоставить ему субсидии на покупку дополнительного продовольствия для содержания своей душевнобольной дочери, так как ее состояние требовало усиленного питания, одежда превратилась в лохмотья, а его заработок не позволяет покупать все необходимое из-за дороговизны продуктов. В прошении было отказано [2, л. 17].

Медицинское обслуживание в годы оккупации было мало доступным, хотя больницы, амбулатории и аптеки функционировали. Дефицит лекарств был колоссальный, и это приводило к злоупотреблениям аптекарей своими служебными обязанностями (спекуляция медикаментами), на что указывал отдел охраны здоровья районной управы [16, л. 61]. Окружной врач в Глубоком специальной директивой запрещал районным врачам направлять заболевших за медикаментозной помощью к немецким врачам [16, л. 34].

Эпидемия сыпного тифа на территории генерального округа Беларусь носила перманентный характер, и Браславский район не был исключением. Помимо упоминавшейся выше эпидемии в 1942 г., болезнь вспыхивала и позднее. За период с 25.10 по 25.11.1943 г. в районе были зафиксированы пять случаев заболевания тифом, больные были госпитализированы, в домах проведена дезинфекция. Никакие карантинные меры не могли воспрепятствовать перемещению населения между волостями, районами и генеральными округами, что способствовало распространению заболеваний, также как и недостаточное питание, отсутствие предметов гигиены и сопутствующее этому размножение вшей, ставших переносчиками инфекции.

Для борьбы с эпидемией создавалось специальное подразделение, проводилась дезинфекция, помывка населения в бане, контрольные осмотры граждан на предмет обнаружения вшей, велась агитационная работа (лекции для граждан о методах борьбы с сыпным тифом) [17, л. 32]. Тифозные больные подлежали немедленной госпитализации, счет за лечение позднее высылался волостной управе по месту жительства пациента. Например, за лечение жительницы Браславской волости Елены Р. от сыпного тифа в Браславской районной больнице с 22.12.1941 по 3.01.1942 г. полагалось заплатить 8 марок [16, л. 4].

Носители наиболее заразных заболеваний (таких, как тиф, бешенство, туберкулез, венерические заболевания, скарлатина и ряд

других) подлежали обязательной госпитализации, в случае отказа — в принудительном порядке. Врачам амбулаторий запрещалось лечить больных венерическими заболеваниями, такие больные подлежали стационарному лечению. В случае обнаружения местным врачом указанных заболеваний или появления подозрения, предписывалось в 24-часовой срок сообщить об этом районному врачу, провести обязательный осмотр заболевшего, привлекая при необходимости полицию, а также организовать дезинфекцию помещения [16, л. 63].

В результате нехватки специалистов, медикаментов и т.д. смертность населения в годы оккупации была высокой, но не всегда причиной смерти являлись заболевания. В качестве иллюстрации приведем отчеты Браславской волостной управы о количестве умерших, направляемые санитарному отделу районной управы. За июль 1943 г. умерло десять человек, из которых пять было убито партизанами, два убито (не уточняется кем), один умер от старости, один — от туберкулеза и один — от кишечной инфекции. За ноябрь 1943 г. умерло пять человек: один убит, один замучен, один утопился, один — от тифа и один — от крупа. За декабрь того же года зафиксировано восемь смертей, все от заболеваний: заражение крови, круп, два — от тифа, желудочное заболевание, дифтерия, туберкулез и коклюш. Возраст заболевших колебался от 11 месяцев до 69 лет [16, л. 42, 45, 47].

От врачей требовалось незамедлительно сообщать на ближайший немецкий жандармский пост или пост местной полиции о лицах, поступивших в клинику с огнестрельными или колотыми ранениями, с указанием анкетных данных и места жительства пострадавшего, поскольку таковые рассматривались немцами как потенциальные партизаны [17, л. 3].

На основании распоряжения гебитскомиссара от 2.03.1942 г. городское население района было обязано следить за чистотой улиц и тротуаров около своих домов, которые должны были ежедневно очищаться домовладельцами. В сухую пору года подметать можно было только предварительно увлажнив территорию, чтобы не загрязнять воздух пылью. Собранный мусор должен был складироваться на специальных площадках, снабженных соответствующими надписями. Запрещалось складывать навоз и мусор между домами и за заборами. Невымощенные дорожки должны были быть регулярно подметены [18, л. 28].

Гебитскомиссариат предписывал вести борьбу с крысами, представлявшими угрозу как переносчики инфекционных заболеваний. Учитывая дефицит отравляющих веществ, рекомендовалось уничто-

жать крыс другими способами. В частности, проводить профилактические мероприятия, уничтожать мусор, чистить подвалы, замазывать щели в полу, стенах, дверях, окнах смесью гипса и битого стекла, забивать дыры жестью. Описывались устройство импровизированных ловушек, массовая ловля крыс с помощью фонаря в замкнутом помещении, загон их в расставленные по углам мешки, банки и т.д. [16, л. 16].

Осенью 1941 г. открываются частные магазины и предприятия общественного питания. Так, в сентябре 1941 г. было получено разрешение на открытие хлебопекарни в Друе, мясной лавки в Видзах, столовой в Браславе, чайной-столовой без права продажи спиртных напитков в Новом Погосте, столовой без права продажи спиртных напитков в Браславе. В декабре 1941 г. открылся мясной магазин в Видзах [19, л. 24, 46, 49, 52, 55, 62].

Немецкая оккупационная и местная администрации пытались осуществлять регулирование цен на товары и услуги, признавая тем самым как следствие мизерный размер заработной платы и продуктовых пайков для местных жителей.

Пограничное положение региона обусловило ряд характерных черт повседневной жизни граждан: интенсивные контакты с жителями соседних генеральных округов Остланда. Репрессивная политика советской власти 1939–1941 гг. создала повод для конфликтов между гражданами. В целом же, как и по всей оккупированной Беларуси, доминантой поведения граждан стала борьба за выживание, лавирование между оккупационной, коллаборационной администрацией и силами сопротивления.

Источники

1. Государственный архив Витебской области, ф. 2848, оп. 1, д. 1. Браславская районная управа.
2. Там же, д. 148.
3. Там же, д. 10.
4. Там же, д. 59.
5. Там же, д. 12.
6. Там же, д. 17.
7. Там же, д. 50.
8. Там же, д. 171.
9. Там же, д. 14.
10. Там же, д. 16.
11. Там же, д. 57.

12. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Браслаўскага раёна. Мінск: Паліграффармленне, 1998.
13. Там же, ф. 2848, оп. 2, д. 18.
14. Там же, д.20.
15. Там же, д.19.
16. Там же, д.245.
17. Там же, д.130.
18. Там же, д.15.
19. Там же, д.233.

Kopsavilkums

Uz robežas ar Latgali: izdzīvošanas stratēģijas Braslavas apkaimē vācu okupācijas periodā (1941–1944)

Rakstā aplūkoti dažādi sadzīves aspekti Braslavas rajonā (Baltkrievija) nacistu okupācijas periodā. Uz minētā reģiona piemēra izsekoti reihskomisariāta *Ostlande* ģenerālapgabalu *Baltkrievija*, *Latvija* un *Lietuva* iedzīvotāju kontakti, pierobežas ietekme uz cilvēku ikdienas dzīvi, uzsērta ikdienas dzīves specifika Baltkrievijas rietumu daļā. Reģiona atrašanās robežas tuvumā noteica vietējo iedzīvotāju intensīvus kontaktus ar kaimiņu ģenerālapgabalu iedzīvotājiem. Nereti izvērās konflikti, kuru ieganstus radīja padomju varas 1939.–1941. gada represīvā politika. Pamatā tomēr, tāpat kā visā okupētajā Baltkrievijas teritorijā, iedzīvotāju uzvedības dominante bija cīņa par izdzīvošanu, lavierēšana starp okupācijas un kolarācijas administrāciju un pretošanās spēkiem.